

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ «СУЩЕСТВОВАНИЕ»

Е.А. Мазная

Новосибирский государственный
технический университет

Elena990@ngs.ru

В статье утверждается, что существование человека в мире актуализируется в аспекте инновационной деятельности субъекта. Свобода от догматизма авторитета предполагает наличие того, в чем могла бы существовать и демонстрировать себя свобода как позитивная деятельность субъекта. Диалог выявляет субъективную природу, особенности авторской семантики деятельности человека.

Ключевые слова: категория «существование», инновационная деятельность, либерализм, отношение человека к миру.

Если мы хотим понять характер современной философии, то для этого важно понять произошедшие к началу XXI века трансформации философского процесса в целом. Этот сдвиг можно коротко охарактеризовать как рассмотрение действительности не в онтологическом плане, как исследование устройства бытия, а в плане ее становления, т. е. в аспекте инновационной деятельности человека по преобразованию этой действительности. Рассмотрим данный сдвиг на примере отношения к семантике категории «существование». Существование человеческого индивида по своей внутренней смысловой структуре есть «существование человека в мире». Выражение действительности осуществляется через посредство сознания человека, действующего в мире, что составляет предмет языкового выражения. К. Марксу принадлежат известные суждения: «Язык

есть непосредственная действительность мысли»¹, но «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они – только проявления действительной жизни»². Мы видим указание на конституирующую роль категорий человеческого видения мира в гипотезе Э. Сепира: «В значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе <...> «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на языковых нормах...»³. Итак, основная связь между философией и языковой реальностью заключается в том, что репрезентация категорий мысли осуществ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 2 изд. – 3 т. – С. 448.

² Там же, с. 449.

³ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – С. 233.

вляется через языковые выражения, описывающие деятельность человека в мире.

Гуманитарные науки рассматривают любое явление в связи с человеком. Языковые выражения, слово не безличностно – все что говорится, имеет авторскую семантику. Так, например, У. Куайн говорит, что все понятия основаны на прагматических соображениях⁴. В целях художественной изобразительности языковые образы могут быть подчинены определенной тенденции, связанной с мировоззрением, взглядами самого художника. Так, у Н. Некрасова предложения, выражающие экзистенциальную ситуацию отсутствия чего-либо, приобретают социально-характерологическую значимость, а у А. Блока и А. Фета они служат выражению минорного настроения, грусти, тоски, зачастую – безысходности, обреченности, одиночества. Под «сферой «Я» понимается та область психики, которая связана с саморефлексией, самоосознанием, самоидентификацией, собственного выбора человека в окружающем мире. Семантика текста, таким образом, должна пониматься как содержание, возникающее в мышлении автора в соответствии с замыслом, то есть отражающее интерпретацию какого-либо факта действительности и характеризующееся поставленной автором смысловой задачей.

При чисто позитивистском, натуралистическом физически-научном подходе мир рассматривается лишь как «совокупность данных субъекту физических объектов». Семантика существования способна проявляться в том случае, если актуализируется человеческое индивидуальное начало. Интерпретация проявляется

по отношению к некоторым объектам действительности, ориентированная на некоторого слушателя, который тоже является субъектом. Прогресс действительно имеет место там и тогда, где и когда торжествует объектно-субъектная связь, и человек все более противопоставлен миру как не менее устойчивому «объекту» в координатах того же мировосприятия.

С помощью философской категории бытие определяется, что есть сущее как таковое. В этой категории фиксируется убеждение индивида в существовании мира и самого индивида с его деятельностью. Философский подход рассматривает отношение человека к миру, и в качестве одного из посредников, устанавливающего реальную связь между ними, выступает языковой способ выражения деятельности человека в мире, на примере отношения к семантике категории «существование». Выявление авторской семантики связывается со способностью человека к сохранению информации о мире (в языке) и со способностью человека воспроизводить и воспринимать информацию о мире через текст, язык. Семантика выражений деятельности индивида относится к таким структурам, которые организуют или служат для организации индивидуального мира человека, особым образом обращают к отдельному субъекту (или социуму, проявляющемуся как нечленимое единство). Человеку очень сложно осознать себя в отрыве от окружающей его действительности и своего местоположения в ней: семантика «существования, жизни» – один из способов, связующих человека с окружающим миром.

Языковые выражения имеют идеальную форму, когда берутся изолированно от субъекта действительности. Лишь по мере понимания того, что высказанное в языке

⁴ Куайн У.В.О. Вещи и их место в теориях: пер. с англ. / У.В.О. Куайн // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М., 1998. – 496 с.

есть всего лишь язык, авторское, субъективное теряет свою силу, — но если язык — это не более чем язык, то все становится несостоятельным, невозможно никакое высказывание. Язык и есть наиболее адекватное выражение действительности человеческого бытия, а раз так, то язык выносит приговор языку: человек предстает перед собственным судом. Выводы лингвистики для философии постмодернизма особенно актуальны при интерпретации любых социальных систем с точки зрения языка, описывающего их функционирование. М. Бахтин, работы которого нашли широкое применение в современной западной философии постмодернизма, определяя «человеческий поступок» как «потенциальный текст», писал: «Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение»⁵. Язык является одним из проводников идеологии, которой можно пользоваться по своему усмотрению, благодаря которой можно при желании обосновать любые политические действия, направленные на упрочение власти. Высказывание Л. Альтюссера об идеологии: «Идеология представляет собой воображаемое отношение индивидов к реально существующим условиям их бытия»⁶. Неотъемлемой частью идеологии является постоянное воспроизводство соответствующих воображаемых отношений, достигаемых посредством привлечения человека к участию в «идеологических практиках» ряда социальных институтов. К числу таких институ-

тутов можно отнести: систему образования, семью, законодательные структуры, систему партий и профсоюзов, средства массовой информации, культуру и спорт.

Язык, таким образом, выполняет двойственную функцию: с одной стороны, среди всех семиотических систем он является наиболее развитым средством общения, контакта с «другим»; только язык дает индивиду полноценную возможность объективировать свою субъективность и сообщить о ней партнерам по коммуникации; с другой стороны, язык предшествует индивиду. Текст независимо от индивида уже определенным образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовые формы, в которые с неизбежностью отливается всякая субъективность. Тем самым мы отдаем себя во власть системе языковых «общих мест», топосов. Мы станем добровольными пленниками этих топосов, которые в прямом смысле слова делают утопичной всякую надежду личности прорваться к «своей» эмоции, к «своему» предмету, к «своей» экспрессии⁷.

У Х.-Г. Гадамера же подчеркивается: «Диалогический характер языка, который я пытаюсь разрабатывать, преодолевает укорененность в субъективности субъекта, так же, как и укорененность говорящего в его интенции к смыслу. То, что выходит наружу в разговоре, есть не просто чистая фиксация смысла, на который нацелена интенция, а постоянно трансформирующаяся попытка или, лучше сказать, постоянно повторяющееся искушение ввязаться во что-нибудь и связаться с кем-нибудь»⁸ [5, с. 203].

⁵ Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. — М., 1986. — С. 485.

⁶ Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards Investigation) / Althusser L. Lenin and Philosophy and Other Essays. — London, 1971. — С. 153.

⁷ Барт Р. Смерть автора: пер с англ. / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994. — С. 389.

⁸ Гадамер Х.-Г. Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. — СПб., 1999. — С. 203.

Р. Барта же акцент делает на взаимоотношениях «письма» и индивида, причем подчеркивает отчуждающую власть социализированного слова: в невинном, на первый взгляд, феномене «письма»⁹. Власть – это реальная сила, переданная гражданским обществом государству. От квалификации государственных чиновников, от характера их идеологической подготовки, умения наладить жизненно важный контакт с главными социальными слоями государства, консолидировать силы общества для решения важнейших задач жизнеобеспечения населения на достаточном, необходимом и возможном при определенных социально-природных условиях уровне зависят судьба и перспектива данной общественной системы. Например, как у Р. Барта, прежде всего, власть всевозможных культурных стереотипов, унифицирующая власть «всеобщности», «стадности», «безразличия» над единичностью, уникальностью и неповторимостью¹⁰. Борьбу против подобной власти Р. Барт вел на протяжении всех тридцати лет своей работы в семиологии. Р. Барт признает только одну власть – власть диалога, который ведут между собой равноправные культурные «голоса»¹¹. «Текст» для Барта – это вожденная зона свободы. Власть языка проявляется в том, что в языке присутствуют механизмы осуществления властных тенденций подавления другой личности. Автор устраняется, заменив себя письмом, а это – значит, требуется восстановить в правах читателя. Субъект – адресат (в качестве которого выступает читатель) – центр, вокруг которого выстраивается языковая семантика. Отличие М.М. Бахтина

⁹ Барт Р. Смерть автора: пер с англ. / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 385.

¹⁰ Там же, с. 385.

¹¹ Там же, с. 386.

состоит, прежде всего, в том, что его интересовали «диалогические» взаимоотношения между «социальными языками» как таковыми, тогда как отдельного индивида он рассматривал лишь в качестве «воплощенного представителя» этих языков¹². И поэтому возможен диалог субъекта действительности с языком. Это же мнение разделяет и Платон, который практически все свои произведения писал в форме диалогов. Диалог идеологических направлений выявляет субъективную природу, особенности авторской семантики деятельности человека.

Часто бывает, что одно идеологическое направление свертается, а другое, победившее, проводит фактически ту же политику, что и свергнутое, но только используя другое языковое объяснение, так что на деле борьба проходила между двумя языковыми стилями, при помощи которых враждующие фракции имитируют объективность, ибо, поскольку в их умах фактическое и языковое слиты воедино, то они могут вообразить, что речь идет не о власти, а о чистоте идеологии, и тем самым скрывать борьбу личных интересов. Остро встает вопрос о поиске баланса влияния общества на государство и государства – на общество^{13, 14}. То же самое относится и к борьбе между державами, здесь также различают фактическую и языковую сферы. Борьба ведется на обоих уровнях, при помощи

¹² Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 104.

¹³ Смолин О.Н. Приоритеты образовательной политики: статус педагога, чистота эксперимента, здоровый консерватизм реформ / О.Н. Смолин // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – № 7. – С. 92–99.

¹⁴ Турбовской Я.С. От какого наследства мы отказываемся / Я.С. Турбовской // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – № 3(20). – С. 6–13.

же языка объясняется фактическое: «кровь и слезы». В развязанной Гитлером войне Советский Союз, делавший все, чтобы избежать столкновения, объединился помимо собственной воли с демократическими силами. На языке коммунистов борьба велась против фашизма, на языке демократов – против тоталитарного государства. Преимуществом этих двух языков является то, что после войны можно было, не изменяя языки, вести холодную войну; холодная война также сопровождалась словесными дуэлями, которые ни в чем не уступали военным баталиям. Только в понимании русских демократы придерживались фашистских убеждений, а для демократических сил Советский Союз был тоталитарным государством. Однако если внутри идеологии происходят языковые изменения, то идеология начинает испытывать затруднения в отношении фактической стороны вопроса. Она ощущает, что больше не соответствует действительности: именно поэтому языковые изменения имеют разоблачительную сущность.

В современном сознании, подчиняя свое поведение требованиям конкретной идеологической практики, человек реализует себя как «сознательный субъект», осуществивший свой выбор. С точки зрения реальных социальных отношений, исходные идеологические предпосылки (как то: идеи Бога, Справедливости, Прогресса, Долга и т. д.) вытесняются материальными действиями или соответствующим образом структурированным поведением, например участием в церковных ритуалах или партийных собраниях.

Когда мы осознаем, что есть личность, то избавляемся от догматизма, слепого следования авторитету. Философские идеи всегда имели в виду определенную оппо-

зицию догматизму текста: так еще Платон указывал на то, что мышление есть «преодоление языка». В частности это можно увидеть на примере самой идеи свободы: свобода от кого-то предполагала то, ради чего осуществляется такое освобождение, того, «под чью руку» попадает освобожденный от старой зависимости персонаж¹⁵. Новая действительность должна иметь фундаментальный, «сущностный» характер, как минимум в той мере, чтобы служить достаточным основанием для прокламируемых свобод и позволить им реализоваться в процессах развертывания этой языковой действительности. Иными словами, свобода от догматизма авторитета предполагает наличие того, в чем могла бы существовать и демонстрировать себя свобода как позитивная деятельность субъекта.

В целом, следует учитывать, что высокая либеральная идея отличается от расхожего употребления слова «свобода» в ситуациях, когда на волю отпускались древнегреческий раб и средневековый крепостной. Подобные акты освобождения не меняют суть окружающей действительности, не трансформируют сложившиеся социальные отношения и структуры. Также не надо было русскому человеку быть либералом, чтобы пытаться освободиться от «татаро-монгольского ига», обложившего Русь данью. Либеральная идеология естественна и является инновацией.

Либеральная идеология в обществе отражается в опыте построения полисубъектной управленческой деятельности. Речь идет о разработанной организации мыслительной коммуникации субъектов в ситуации совместной деятельности. Каждый из

¹⁵ Сазонов Б.В. Российский либерализм: жизнь после смерти. Субъективация деятельности *contra* свобода / Либерализм – идеология прошлого. – URL : <http://www.lab1-3.narod.ru/saz04-e.htm>

коммуникантов способен понять и оценить как собственное существование и деятельность с точки зрения своих ценностных, профессиональных и иных позиций, так и мысль другого, реконструируя его позиции. Процесс мыслительного взаимопонимания, таким образом, перерастает в уяснение своих и другого позиций, а также сближения позиций за счет их перманентной рефлексии и развития. Личностная составляющая и личностный рост оказываются базисом коллективного, ориентированного на партнерство мышления.

При преподавании гуманитарных дисциплин следует акцентировать внимание на различии подходов к пониманию власти в разных философских, лингвистических и политологических концепциях. Властная деятельность может рассматриваться и как аппарат насилия, и как орган управления культурно-воспитательной жизнью населения, и как система управления всеми сторонами жизни граждан – социально-экономической, политико-правовой, образовательной, экологической.

Итак, лингвистика должна быть связана с философией, в которой рассматривается непосредственная связь человека с осознанием своего существования в мире посредством языкового выражения. Исследование действительности в плане инновационной деятельности человека отражает существование личности, которая избавляет нас от слепого следования авторитету, от догматизма, приводящая к либеральному диалогу.

Литература

Барт Р. Смерть автора: пер с англ. / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философии анализа / М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.

Гадамер Х.-Г. Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. – СПб., 1999. – С. 202–242.

Куайн У.В.О. Вещи и их место в теориях: пер. с англ. / У.В.О. Куайн // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 496 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 49 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 2-е изд. – 3 т. – 630 с.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

Смолин О.Н. Приоритеты образовательной политики: статус педагога, чистота эксперимента, здоровый консерватизм реформ / О.Н. Смолин // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – № 7. – С. 92–99.

Турбовской Я.С. От какого наследства мы отказываемся / Я.С. Турбовской // Философия образования. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – № 3(20). – С. 6–13.

Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards Investigation) / L. Althusser // Althusser L. Lenin and Philosophy and Other Essays. – London, 1971.

Сазонов Б.В. Российский либерализм: жизнь после смерти. Субъективация деятельности *contra* свобода / Либерализм – идеология прошлого. – URL : <http://www.lab1-3.narod.ru/saz04-e.htm> (дата обращения 11.08. 2010)